

Что нового рассказал “Мисопогон” о взаимоотношениях Петра I и его подданных?

Евгений Н. Трефилов
*Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”*

What New Things Does *Misopogon* Reveal about the Relations between Peter I and his Subjects?

Evgenii N. Trefilov
Higher School of Economics University
etrefilov@hse.ru

Рецензия на книгу *Е. В. Акельев*, *Русский Мисопогон: Петр I, бранобритие и десять миллионов “московитов.”* Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с. ISBN: 978-5-4448-1928-9.

Review of *E. V. Akel'ev*, *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desiat' millionov “moskovitov,”* Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022. 624 p. ISBN: 978-5-4448-1928-9.

Мой отклик на книгу *Е. В. Акельева*, видимо, вряд ли можно назвать полноценной рецензией, поскольку я хотел бы рассмотреть лишь те части монографии, в которых обсуждается тема, очень волнующая меня самого, а именно проблема взаимоотношения Петра I и его подданных. Но заметим, что об этой проблематике вполне можно говорить в отрыве от других разнообразных сюжетов, затронутых в книге, поскольку она является магистральной для самого автора, о чем он и сам сообщает во введении, и на это указывает даже и само название книги. Сразу следует пояснить, что “Мисопогон” с древнегреческого переводится как “Ненавистник бороды”: так византийский император Юлиан назвал сатиру 363 г., направленную против жителей Антиохии, смеявшихся над его бородой (с. 10-11). “Спустя века, — пишет Акельев, — ‘Мисопогон’ (если под этим названием понимать конфликт властителя и его подданных по поводу браноношения) повторился, но в совершенно ином историческом контексте и как бы наоборот.” Теперь уже сам верховный правитель (русский царь Петр I) на протяжении всего своего царствования борется с браноношением и преследует бородачей (с. 11-12).

“Русский Мисопогон” — так назвал Акельев историю, связанную с преследованием Петром I бороды в своем государстве, — никогда прежде не становился предметом специального и всестороннего изучения. По мнению автора, связано это с тем, что “вся эта история с бранобритием при Петре сегодня кажется неким историческим анекдотом, вряд ли достойным серьезного научного изучения.” В подтверждение своей мысли исследователь ссылается не только на

опубликованные работы, но и на свои личные беседы с коллегами, а также опыт взаимодействия с редакторами специальных журналов. Однако, как справедливо замечает историк, “то, что представляется малозначительным для нас, не являлось таковым для Петра I и его современников.” В противном случае изменение внешнего облика подданных не занимало бы такого важного места в политике царя-преобразователя, а противники бородобрития не шли бы на риск, а то и на смерть “ради того, чтобы отстоять свое право на бородоношение или хотя бы получить возможность убедить царя в его неправоте.” Таким образом, по мысли исследователя, данная тема имеет исключительный потенциал, с одной стороны, для выявления инакости людей конца XVII — первой четверти XVIII в. (уделявших так много внимания столь малозначительным для современных людей вещам), а с другой стороны, — “для изучения природы власти в петровской России.”

По мысли Е. В. Акельева, “Русский Мисопогон” открывает для изучения проблемы взаимоотношений власти и общества в петровской России совершенно уникальные перспективы. Действительно, эта странная и на первый взгляд анекдотическая инициатива Петра I “затрагивала подавляющее большинство политически и экономически активного мужского населения, а значит, обеспечивает для исследователя максимально широкий социальный и географический охват.” Кроме того, она, как никакая другая, “пронизывала каждого отдельного индивидуума насквозь, в одинаковой степени как вторгаясь в сферу частной и бытовой жизни, так и затрагивая глубоко укоренившиеся эстетические, гендерные, этнические и даже, не в последнюю очередь, религиозные представления.” Следовательно, “насыщенное” изучение и описание “Русского Мисопогона” дает возможность (по мысли автора), с одной стороны, увидеть, “какими реальными ресурсами для проведения в жизнь своих многочисленных и претенциозных инициатив обладал царь и его агенты,” а с другой стороны, попытаться оценить “каким объемом автономии по отношению к власти обладали российские подданные в различных социальных и географических пространствах Московского царства” (с. 16-18).

Реализуя эту перспективу, Е. В. Акельев старается, с одной стороны, исследовать влияние политики царя-преобразователя на настроения и поведение подданных, а с другой стороны, стремится понять, как сами эти настроения влияли на Петра I. Таким образом, читатель имеет возможность проследить на страницах этой книги своего рода диалог между царем и подданными (преимущественно из социальных низов). Едва ли кто-то усомнится в том, что изучать этот диалог крайне необходимо: не выяснив, как население (или какая-то его значительная часть) реагирует на инициативы власти, и также не проанализировав, как власти реагируют на настроения жителей страны, невозможно понять, как функционирует государство вообще (и петровская Россия в частности). Полагаю, что данная проблематика настолько важна и интересна сама по себе, что ее правомерно рассматривать в отрыве от других сюжетов книги. В дальнейшем мы и сосредоточимся исключительно на этом диалоге, оставив за рамками нашего рассмотрения анализ богословских споров вокруг бородобрития в книжной среде и другие важнейшие аспекты книги.

Что же нового дает исследование Е. В. Акельева для понимания взаимоотношений власти и общества в петровской России?

В историографии доминирует точка зрения, согласно которой бородобритие и прочие культурные новшества не были приняты значительной частью населения страны. Прежде всего речь идет о простонародье. Эти новшества и стали одной из причин крайне неприязненного отношения в народе к Петру I, выразившегося в различных легендах, например, в легенде о подменном царе, также как в многочисленных примерах грубой брани в материалах политических процессов.¹ Правда, по мнению некоторых историков, отдельные представители социальных низов, а то и значительные группы простонародья сохраняли лояльность по отношению к Петру, что зачастую не мешало им весьма враждебно относиться к вводимым монархом новшествам.² Е. В. Акельев, основываясь главным образом на делах Преображенского приказа, убедительно показал, что отношение к бородобритию, да и к самому царю было еще более сложным (см.: с. 230-238, 248-344). Описывая реакцию “москвитов” на бородобритие, он подчеркивает, что подданных Петра I не следует делить на два противоположных лагеря (сторонников и противников бородобрития), “разделенных невидимой линией фронта.” Историк пишет: “если попытаться на основе дел Преображенского приказа и других источников выявить весь спектр настроений ‘москвитов’ по поводу стремительно распространяющегося бородобрития, окажется, что палитра возможных стратегий поведения была чрезвычайно богатой.” Люди могли просто “не бриться и не обращать никакого внимания на слухи и на появление множества безбородых лиц,” а могли обращаться за советом к духовенству или даже участвовать в спорах по поводу бородобрития. Находились и такие, которые стремились тем или иным способом воздействовать на монарха с тем, чтобы тот отменил указ о бородобритии.

¹ С. М. Соловьев, “История России с древнейших времен,” в С. М. Соловьев, *Сочинения: В 18 книгах*, кн. VIII, т. 15-16 (Москва: Мысль, 1993), 87, 95-101, 103-117, 118-119. (S. M. Solov'ev, “Istoriia Rossii s drevneishikh vremen”, in S. M. Solov'ev, *Sochineniia: V 18 knigakh*, кн. VIII, т. 15-16 (Moscow: Mysl', 1993), 87, 95-101, 103-117, 118-119); В. О. Ключевский, “Курс русской истории,” в В. О. Ключевский, *Сочинения: В 9 томах*, т. 4 (Москва: Мысль, 1989), 207-215. (V. O. Kliuchevskii, “Kurs russkoi istorii,” in V. O. Kliuchevskii, *Sochineniia: V 9 tomakh*, т. 4 (Moscow: Mysl', 1989), 207-215); Е. Ф. Шмурло, *Петр Великий в оценках современников и потомства*, вып. 1 (Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912), 3-7, 13-28, 31. (E. F. Shmurlo, *Petr Velikii v otsenkakh sovremennikov i potomstva*, вып. 1 (St. Petersburg: Senatskaia tipografiia, 1912), 3-7, 13-28, 31); Е. В. Анисимов, *Время Петровских реформ* (Ленинград: Лениздат, 1989), 44-45, 338, 355-356. (E. V. Anisimov, *Vremia Petrovskikh reform* (Leningrad: Lenizdat, 1989), 44-45, 338, 355-356).

² См., например: О. Г. Усенко, “Политические настроения на Дону в 1697-1707 гг. и повод восстания К.А. Булавина,” *Клио: Межвузовский журнал для ученых* 1 (1997): 149-158. (O. G. Usenko, “Politicheskie nastroiieniia na Donu v 1697-1707 gg. i povod vosstaniia K. A. Bulavina,” *Klio: Mezhdunarodnyi zhurnal dlia uchennykh* 1 (1997): 149-158); Е. N. Trefilov, “Proof of Sincere Love for the Tsar: Popular Monarchism in the Age of Peter the Great,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18:3 (2017): 461-485; Н. Ю. Болотина, “Народная молва о Петре Великом (по материалам Преображенского приказа и Тайной канцелярии),” в *Образ Петра Великого в мировой культуре: материалы XII Международного петровского конгресса* (Санкт-Петербург: Европейский дом, 2020), 70. (N. Iu. Bolotina, “Narodnaia molva o Petre Velikom (po materialam Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantseliarii),” in *Obraz Petra Velikogo v mirovoi kul'ture: materialy XII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* (St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2020), 70).

Было и немало людей, "которые брились, следуя моде или в силу приближенности к государю," но считали это грехом и старались как-то загладить свою вину перед Богом. Но, наконец, были и такие, "кто спокойно брился, критически относясь к идее о том, что бладобритие может как-то повлиять на спасение души." При этом, по мнению Акельева, "столкновения указанных настроений и моделей поведения зачастую не зависели от социального статуса: они в равной степени прослеживались и в придворной среде, и церковной, и среди посадских людей, и в деревнях" (с. 337-338).

Важно обратить особенное внимание на следующее обстоятельство. Опровергая точку зрения о всеобщем недовольстве бладобритием и прочими новшествами в народе, Акельев нередко ссылается на те же источники, что и сторонники этой точки зрения. Однако если С. М. Соловьев и другие историки, обращаясь, например, к делу нижегородца Андрея Иванова, делают главный акцент на его обличительной речи в адрес царя, повелевшего брить бороды, курить табак и носить "немецкое платье,"³ то Акельев обращает особенное внимание на проговоруку Иванова о том, что "у них, в Нижнем, посацкие люди многие бороды бреют" (см.: с. 327-332, 343-344).⁴ А поскольку нижегородец был арестован еще 22 декабря 1704 г., т.е. до публикации знаменитого указа о бладобритии 16 января 1705 г.,⁵ то историк и заключает, что "многие посадские люди" Нижнего Новгорода брились совершенно добровольно (с. 331-332). По-новому взглянул Е. В. Акельев и на другое дело Преображенского приказа, часто цитируемое в историографии, в рамках которого в "непригожих речах" о государе в 1703 г. обвинялись дмитровский посадский человек Михаил Большаков и его жена Марья. Только если ранее историки цитировали лишь выпады Большаковых против Петра I и его указов о "немецком" платье,⁶ Е. В. Акельев, стремясь "услышать все голоса," приводит также и заявление донесших на Большакова и его жену портных мастеров из монастырских крестьян Дмитровского уезда, которые выполняли заказы дмитровских посадских людей на изготовление нового "немецкого" платья. Оказывается, портные весьма высоко оценивали Петра I: "Ныне он, государь, ходит по службам сам и города берет." Причем эти слова на следствии воспроизвели не сами крестьяне, а жена Большакова Марья, а потому вряд ли у нас есть основания усомниться в их достоверности (с. 332-333).

Комментируя слова портных, Акельев замечает: "Надо думать, большое количество заказов на шитье западноевропейского платья, которое у них появилось благодаря известным петровским указам, не могло не поддерживать их

³ Соловьев, "История России с древнейших времен", 101 (Solov'ev, "Istoriia Rossii s drevneishikh vremen," 101); Ключевский, "Курс русской истории," 212 (Kliuchevskii, "Kurs russkoi istorii," 212); Анисимов, *Время Петровских реформ*, 355 (Anisimov, *Vremia Petrovskikh reform*, 355).

⁴ Следственное дело А. Иванова было полностью опубликовано Е.В. Акельевым в документальном приложении к книге (см. с. 551-553).

⁵ Аргументацию Е.В. Акельева в пользу того, что указ от 16 января 1705 г. был первым в череде указов о бладобритии (см.. с. 239-247).

⁶ См., например: Соловьев, "История России с древнейших времен", 101 (Solov'ev, "Istoriia Rossii s drevneishikh vremen", 101); Н.Б. Голикова, *Политические процессы при Петре I* (Москва: Издательство Московского университета, 1957), 214-215 (N.B. Golikova, *Politicheskie protsessy pri Petre I* [Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957], 214-215).

верноподданнический настрой.” (с. 333) Однако упоминавшееся ранее дело Андрея Иванова и некоторые другие источники, привлеченные Акельевым, показывают, что поддержка петровских инициатив со стороны широких слоев населения далеко не всегда можно объяснить “шкурным” интересом (см. с. 230-238, 333-344). Из книги можно заключить, что на позицию простолюдинов могли влиять и поучения отдельных церковных иерархов, защищавших брадобритие (среди них Димитрий Ростовский), и распространявшаяся мода на гладко выбритое лицо, и даже предпочтения женского пола. Причем в стороне не оставались даже крестьяне! Как замечает Акельев, “крестьяне не были безликой косной массой. В спорах с более грамотными людьми — бывавшими в городах монастырскими слугами, постоянно общающимися с помещиками дворовыми людьми, приходившими на соседние ярмарки купцами и т.д. — они вполне могли соглашаться с их аргументацией, усваивать ее, менять свою позицию” (с. 341). В качестве подтверждения этого тезиса историк приводит запечатленный в одном из дел Преображенского приказа спор старых и молодых крестьян одной глухой деревни Юрьеvec-Повольского уезда, в котором старики ругают петровские новшества, самого царя и тех, кто бреет бороды, прославляя прежних благочестивых государей; а молодые крестьяне, напротив, восхваляют Петра и одобряют его политику: “Не их де то дело, - говорили молодые, - [что царь “князей и бояр перебрil” и прочее]. Так де Бог изволил.” Но поддержка брадобрития у этих мужиков связана не только с покорностью Богу и государю, а имеет и рациональные объяснения: “А волосы кто с себя хотя и спустит, что де то за диковинка! Чем де людем мереть, ин де волос на землю и упади.” Молодые крестьяне, однако, принимают политику Петра I не просто как некую неизбежность, а как будто являются сторонниками царя-преобразователя: “Ево, государя, Бог одарил разумом: беспрестанно де он, государь, в работе и в печале, сам за нас служит. При прежних царех, как ходили на службу, люди мерли. А ныне при нем, государе, того нет” (с. 341-342).

Выше уже говорилось, что отнюдь не все ученые согласны с тем, что отношение к царю-преобразователю в народе было сплошь негативным. Но, согласно свидетельствам, которые эти ученые приводят, простолюдины любили Петра I не за его нововведения, а за то, что он, как и положено традиционному “хорошему царю,” стоит на их стороне. Но при этом ранее, кажется, не были известны похвальные высказывания о Петре I со стороны его современников-простолюдинов.⁷ Поэтому слова крестьян Юрьеvec-Повольского уезда, вместе с приводившимся ранее заявлениями портных мастеров из монастырских крестьян Дмитровского уезда, представляются очень важным открытием. Вероятно, таких простолюдинов, которые

⁷ Правда, в источниках, возникших уже в первые десятилетия после смерти царя-преобразователя, можно встретить похвальные отзывы (в том числе, очевидно, и от его современников) о “демократизме” Петра I. Например, в 1736 г. один ссыльный на Урале передавал разговоры о Петре I, которые, по словам ссыльного, велись в солдатской среде: царь “чины все производил, также и потом стал все нужды знать.” Цит по: И. В. Побережников, *Слухи в социальной истории: типология и функции (По материалам восточных регионов России XVIII-XIX вв.)* (Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995), 9. (I. V. Poberezhnikov, *Slukhi v sotsial'noi istorii: tipologii i funktsii (Po materialam vostochnykh regionov Rossii XVIII-XIX vv.)* (Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1995), 9).

пламенно поддерживали петровские новшества и предпочитали царя-преобразователя предыдущим монархам (вещь совершенно необычная для народного сознания!), было немного. Но, несомненно, теперь наши представления о народных настроениях петровского времени будут куда более сложными, чем раньше.

Е. В. Акельев очень осторожен и не делает никаких предположений относительно того, какая из выявленных им стратегий поведения по отношению к брадобритию преобладала среди мужского населения. Конечно, источники не позволяют нам привести какие-то статистические выкладки. Однако вряд ли приходится сомневаться в том, что значительную и весьма активную часть населения составляли все-таки противники брадобрития, раз с их настроениями приходилось считаться самому царю-преобразователю. Еще до выхода книги Акельева было известно, что в 1705-1706 гг. Петр I разрешил жителям Нижнего Поволжья не носить “немецкого платья” и не брить бород, а сибирякам повелел “носить платье русское или немецкое, и в том принуждения никакова не чинить.” И если отмена указов о брадобритии и европейском платье для жителей Нижнего Поволжья явилась реакцией на Астраханский бунт 1705-1706 гг., то отменить указ о “немецком платье” для сибиряков царя побудила коллективная челобитная служилых людей из 19 сибирских городов, которой также предшествовали опасные для власти волнения.⁸ Но Е. В. Акельеву удалось впервые обнаружить и опубликовать в книге не вошедший в *Полное собрание законов Российской империи* именной указ от 28 августа 1706 г., который повелевал “крестьян з бородами в грацких воротех пропускать и пошлин с них не имать.”⁹ Этим указом Петр I, по сути, отменил свое прежнее распоряжение,

⁸ *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗ), т. 4 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830), no. 2132, 362-363. (*Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (PSZ), t. 4 (St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1830), no. 2132, 362-363); *Письма и бумаги императора Петра Великого* (ПиБ), т. 3 (Санкт-Петербург: Государственная типография, 1893), 492. (*Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (PiB), t. 3 (St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1893), 492); А. Т. Шашков, “Дело 1705 г. ‘о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород,’” в *Проблемы истории России*, вып. 2, *Опыт государственного строительства XV—XX вв.* (Екатеринбург: Волот, 1998), 301-325. (А. Т. Shashkov, “Delo 1705 g. ‘o protivnosti i o preslushanii ego tsarskogo velichestva ukazu tomskikh zhitelei o nemetskom plat'e i o britii borod,’” in *Problemy istorii Rossii*, vyp. 2, *Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV-XX vv.* (Ekaterinburg: Volot, 1998), 301-325); Е. Н. Трефилов, “Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени,” Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Москва: Российской государственной гуманитарный университет, 2010), 148, ссылка 158. (Е. Н. Trefilov, “Predstavleniia o tsarskoi vlasti uchastnikov narodnykh buntov petrovskogo vremeni,” *Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2010), 148, p. 158). Впрочем, Е. В. Акельев сделал ряд важных замечаний, связанных с этими эпизодами, а также опубликовал отписку в Сибирский приказ воеводы г. Тары М. И. Воронцова-Вельяминова об отказе городских жителей подчиняться царским указам о бородовой пошлине и немецком платье: Акельев, *Русский Мисопогон*, 388-400, 561-565. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 388-400, 561-565).

⁹ Если быть точным, то обнаружена и опубликована была память Посольскому приказу от 2 сентября 1706 г. с сообщением именного указа Петра I от 28 августа 1706 г. Акельев, *Русский Мисопогон*, 566-567. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 566-567).

включенное в указ от 16 января 1705 г., о взимании “с крестьянских бород” по копейке за каждый проход через городские ворота.¹⁰ Е. В. Акельев предполагает, что указ этот был вызван массовым недовольством тем насилием над крестьянами, которое практиковалось в ходе реализации указа о брадобритии. По мысли исследователя, все эти данные указывают на то, что летом 1706 г. царь и его приближенные “осознали необходимость принять меры к тому, чтобы снять опасное напряжение” (с. 400-401; см. также: с. 381-382). И лучшим подтверждением этой мысли, на мой взгляд, является дальнейшая осторожная политика царя, связанная с брадобритием, о которой также говорится в книге Е. В. Акельева (с. 401-405).

Новое наступление на брадоношение в масштабах всей страны началось с царского указа от 6 апреля 1722 г.¹¹ Отвечая на вопрос, почему это случилось именно в это время, историк предполагает, что “причиной послужил какой-то случайный инцидент, напомнивший императору о том, что его окружение — это не вся Россия и в его империи есть очень много людей, которые живут себе по-старому, игнорируя его повеления” (см.: с. 406-409). Однако, на мой взгляд, не следует забывать и о том, что в предыдущем, 1721 г., закончилась Северная война, а значит, Петр мог более не опасаться одновременной борьбы против шведов и против возможных вооруженных защитников брадобрития внутри страны.

Книга Акельева наводит на мысль, что народные настроения влияли не только на корректировку “бородовой политики”: еще ранее они послужили первоначальным толчком для всего комплекса мер Петра I, направленных на изменение внешнего облика “московитов.” Анализируя смысл знаменитого петровского брадобрития в Преображенском 26 августа 1698 г. (когда вернувшийся из Великого посольства царь принялся резать бороды пришедшим его встречать боярам), исследователь обращается к политическому контексту, определяемому, прежде всего, недавно подавленным стрелецким восстанием. Исследователь полагает, что эта первая атака Петра на бороды была предопределена именно этим контекстом, то есть стрелецким восстанием, которое во многом и способствовало “формированию и кристаллизации (от противного) петровской идеологической и культурной программы” (с. 219). И здесь исследователь вступает в конфликт со всей предшествующей традицией интерпретации брадобрития в Преображенском. По словам Акельева, “у нас нет никаких оснований считать, что замысел введения в России брадобрития был следствием того культурного впечатления, которое произвело на государя путешествие по Западной Европе” (с. 209). Поскольку эти суждения резко идут вразрез не только с устоявшимся в историографии представлениями о том, что именно послужило для царя толчком к изменению облика своих подданных, но также и позволяют по-новому взглянуть на политическое значение стрелецкого восстания 1698 г., необходимо остановиться на них поподробнее с тем, чтобы выяснить, как Акельев пришел к таким заключениям, а затем и попытаться понять, насколько его аргументы убедительны.

¹⁰ ПСЗ, т. 4, no. 2015, 283. (PSZ, t. 4, no. 2015, 283).

¹¹ См.: ПСЗ, т. 6, no. 3944, 641-642. (PSZ, t. 6, no. 3944, 641-642).

Итак, автор *Русского Мисопогона* полагает, что люди из окружения царя и сам Петр I подозревали бунтовщиков в связях с “церковными традиционалистами,” с некоторыми боярами, а, возможно, и с самим патриархом. Именно поэтому, как считает историк, вернувшийся из-за границы царь 26 августа 1698 г. самолично бреет бороды у бояр, ибо “отсутствие бороды отныне служит маркером сохранения верности Петру (и на этих лиц распространяются необычайные царские милости), в то время как приверженцы брадоношения отныне подозреваются в связях с мятежными стрельцами, а значит, на них распространяется царский гнев и опала” (см. с. 195-218, цитата на с. 210). И, действительно, с самого начала следствия, еще до возвращения Петра из-за границы, власти не исключали, что к бунту стрельцов подстрекали некие злоумышленники. Согласно инструкции от 20 июня 1698 г., полученной А. С. Шеиным из Стрелецкого и Разрядного приказов, бунтовщиков следовало спрашивать, “собою ль они такое воровство всеали [так в тексте – *Е. Т.*] или по чьему наученью; и по такому своему воровскому умыслу, пришед к Москве, что они хотели делать, и не было ль у них о том воровстве с кем каких пересылок?”¹² Упирая на то, что власти подозревали бунтовщиков в связях с представителями элиты, Акельев особое внимание обращает на следующее заявление стрельца В. А. Зорина, сделанное им на допросе 24 июня 1698 г.: “А с Москвы де к ним, стрельцом, от бояр и от иных ни от каких чинов людей [...] пересылок и писем не было.” Историк полагает, что это заявление было сделано в ответ на вопрос следователей: “Велась ли переписка с кем-то из московских бояр или людьми других чинов?” А этот вопрос, в свою очередь, обнаруживает убеждение следователей в том, что “истинными вдохновителями восстания могли быть какие-то сильные люди в Москве” (с. 204). Однако заметим, что из показаний Зорина, а также некоторых других мятежников можно заключить, что, во-первых, дознаватели спрашивали подследственных о контактах не только с представителями элиты, а во-вторых, самих повстанцев следователи не считали только лишь пассивным орудием в чьих-то руках. Действительно, полностью ответ В. А. Зорина звучал следующим образом: “А с Москвы де к ним, стрельцом, от бояр, и от иных ни от каких чинов людей, и от их бр[атьи] стрельцов, также и из городов, где их братья стрельцы, также и от них, стрелцов, к Москве и в города в ыные и никуда пересылок и писем не было, и подметных писем он к Москве не подметывал, и никою подметчиков не ведает.”¹³ Но подчеркнем важный момент: когда вернувшийся из-за границы царь взял стрелецкий розыск под свой контроль, вопрос о связях повстанцев с боярами, если судить по ответам подследственных, напрямую стрельцам вообще не задавали, а значит, Петр, скорее всего, не верил в существование таких связей.

На первый взгляд, куда больше оснований у властей было подозревать стрельцов в связях с патриархом Адрианом, ведь настроения и патриарха, и какой-то

¹² А. Н. Казакевич, *Восстание московских стрельцов: 1698 год (материалы следственного дела)* (Москва: Наука, 1980), 55. (A. N. Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov: 1698 god (materialy sledstvennogo dela)* (Moscow: Nauka, 1980), 55).

¹³ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 49. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 49). Похожие ответы см. Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 51-52, 57-58, 65, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 51-52, 57, 58, 65, 71).

части бунтовщиков можно назвать консервативными, традиционалистскими. В челобитной стрельцов, адресованной Петру I, делается упор на то, что стрельцы являются защитниками благочестия, а немцы (в особенности Ф. Лефорт) — врагами стрельцов и православия. Высказывается недовольство и бытовыми новшествами, связанными с иноземцами: “Да нам же слышна, — читаем в челобитной, — что идут к Москве немцы. И то, знатно, последуя брадобритию и табаку, всеовершенное благочестию испровержение.”¹⁴ Что же касается патриарха Адриана, то он резко выступал против брадобрития и иноземцев,¹⁵ а, по некоторым данным, еще и против табакокурения (об этом см. ниже). Но нет никаких серьезных доказательств в пользу того, что власти полагали, будто стрельцы были связаны с патриархом. Так, ни в материалах стрелецкого розыска под Воскресенским монастырем (лето 1698 г.), проходившего в отсутствие царя, ни в материалах последующих розысков, проходивших уже под контролем Петра I, нет и намека на то, что стрельцов спрашивали о контактах с Адрианом.

По сути дела, версия Акельева, согласно которой власти подозревали стрельцов в связях с патриархом, основана на ряде допущений, а эти допущения, в свою очередь, строятся на очень сомнительных данных, содержащихся прежде всего в донесениях австрийского посла Кристофа Игнаца фон Гвариента императору Леопольду I. В донесении Гвариента от 17 (27) июня 1698 г. сообщается, что патриарх Адриан отлучил от Церкви одного купца вместе с семьей за то, что он “договорился о покупке табачной монополии и выкупил ее по контракту [...], заключенному с царем еще до его отъезда” (за границу). Согласно донесению, это решение патриарха разделило русских на две партии: одна поддержала Адриана, “объявив его действие похвальным и благочестивым,” другая же полагала, что за этот поступок Петр, вернувшись из-за границы, строго накажет патриарха, который и так не пользуется его доверием. Однако, по словам Гвариента, Адриан “отвергает угрожающую царскую немилость” и совещается со своими сторонниками о том, должен ли он выполнить приказание Петра отправить царицу Евдокию в монастырь.¹⁶

Важно отметить, что Е. В. Акельев признает, что у историков нет данных об отлучении от церкви некоего купца.¹⁷ При этом исследователь полагает, что донесение Гвариента “с оценкой напряженной обстановки при российском дворе, сложившейся вследствие выступления патриарха против табачной торговли, а

¹⁴ Акельев, *Русский Мисопогон*, 488. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 488).

¹⁵ Акельев, *Русский Мисопогон*, 75-155, 158-159, 168-189, 447-485. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 76-155, 158-159, 168-189, 447-485).

¹⁶ Акельев, *Русский Мисопогон*, 499-500. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 499-500). Кратко об отлучении патриархом от церкви купца и его семьи за табачную торговлю писал также секретарь имперского посольства, подчиненный Гвариента И.-Г. Корб.: И.-Г. Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)* (Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1906), 213. (I.-G. Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)*) (St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina, 1906), 213).

¹⁷ Так, ничего неизвестно о том, чтобы был отлучен от церкви владевший правом сбора государственных пошлин за продажу табака купец М. Орленок. Зато он был уличен в серьезных преступлениях, расследованием которых, по приказанию Петра, должен был заняться Ф. Ю. Ромодановский. Об этом купце см.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 191-192 (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 191-192).

значит, против самого царя, заслуживает пристального внимания.” Е. В. Акельев предполагает, что “Гвариент, направляя эту депешу императору Леопольду, вряд ли основывался только на собственных наблюдениях, а скорее пользовался сведениями своих информаторов, среди которых наиболее важным был, как известно, генерал Патрик Гордон — глава московской католической общины и одновременно доверенное лицо и корреспондент царя.” Поэтому, по мнению автора, вполне вероятно, что донесение Гвариента передает то, как “видел политическую ситуацию Гордон.” А если это так, то Гордон “не мог не обратить особого внимания и на то, что стрельцы объясняли свое выступление стремлением воспрепятствовать ‘всесовершенному благочестию испровержению,’ которое, по их убеждению, было начато назначением иноверцев на командные должности, а затем широким распространением табакокурения и брадобрития,” т. е. Гордон не мог не обратить внимание на сходство между выступлением патриарха и заявлением стрельцов (см.: с. 190-200, 203).

Можно допустить, что Гордон и впрямь был информатором Гвариента и секретаря имперского посольства И.-Г. Корба, как утверждают некоторые историки.¹⁸ Тем не менее у нас нет доказательств в пользу того, что именно Гордон сообщил австрийскому послу и секретарю посольства о будто бы имевшемся выступлении патриарха против табачной торговли,¹⁹ как и доказательств в пользу того, что Гордон или другие дознаватели, проводившие стрелецкий розыск под Воскресенским монастырем летом 1698 г., подозревали бунтовщиков в связях с Адрианом. Справедливости ради, однако, надо отметить, что слухи о причастности патриарха к восстанию в Москве все же ходили, о чем сообщал в Копенгаген датский посол П. Хейнс, который, впрочем, сам этим слухам не доверял.²⁰

Трудно сказать, дошли ли эти слухи до Петра I. Акельев предполагает, что в недошедшем до нас письме царю от 24 июня Гордон помимо прочего “изложил государю свои подозрения о связях повстанцев с патриархом и кем-то из московских бояр.” Подозрения эти, по мнению исследователя, Гордон высказал “завуалированно, описав обстоятельства таким образом, чтобы Петр самостоятельно сделал нужные выводы” (с. 204-205). Зададимся вопросом: как можно обнаружить подозрения, да

¹⁸ Paul Bushkovitch, “Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995): 81, 98; С. Шокарев, “Записки современников Петра Великого об эпохе преобразований,” в *Рождение империи* (Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997), 418. (S. Shokarev, “Zapiski sovremennikov Petra Velikogo ob epokhe preobrazovaniia,” in *Rozhdenie imperii* (Moscow: Fond Sergeia Dubova, 1997), 418).

¹⁹ Н. Г. Устрялов писал: “трудно поверить, чтобы Адриан так открыто решился противодействовать воле строгаго царя.” Кроме того, историк обращал внимание на то, что в наказе благочинным, где говорилось о различных нарушениях, “о табаке нет ни слова.” Н. Г. Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1858), 106-107. (N. G. Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3 (St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1858-1863), 106-107).

²⁰ Г. В. Форстен, “Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.,” *Журнал Министерства народного просвещения* 356 (ноябрь 1904): 100. (G. V. Forsten, “Datskie diplomaty pri moskovskom dvore vo vtoroi polovine XVII v.,” *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 356 (November 1904): 100).

еще и завуалированные, в недошедшем до нас письме? Правильно, используя данные других источников. Но проблема состоит в том, что другие источники ничего не сообщают о каких-либо подозрениях, высказанных в этом письме.²¹

Однако письмом Гордона не ограничивается аргументация Акельева в пользу того, что царь не просто знал, но и сам подозревал стрельцов в связях с Адрианом. Автор выдвигает версию, согласно которой при встрече 31 августа 1698 г. Петр и патриарх говорили “не только (а может, и не столько),” о разводе царя с царицей Евдокией, как писал имперский посол Гвариент, но и о стрельцком бунте. Разговор о стрельцком возмущении, предполагает историк, так раздражил царя, что он приказал арестовать трех попов мятежных стрельцких полков. “Едва ли Петру, - пишет ученый, - не показался подозрительным тот факт, что один из полковых священников, Иван Степанов, был отправлен к стрельцам [...] по указу патриарха непосредственно перед восстанием” (с. 210-212).²² И, действительно, священники мятежных стрельцких полков были арестованы на следующий день после разговора Петра с патриархом (см.: с. 210-211). Тем не менее у нас нет никаких данных, подтверждающих точку зрения, что этот арест явился следствием разговора царя с патриархом и что предметом разговора был стрельцкий бунт. Кроме того, если Петр думал, что между Адрианом и стрельцами были установлены какие-то контакты, то почему бунтовщиков об этом не спрашивали на следствии? Почему об этом не спросили на следствии священников мятежных стрельцких полков (к тому времени уже расстригенных), в том числе и Ивана Степанова?²³

Правда, Е. В. Акельев обращает внимание на донесение того же Гвариента от 7 (17) октября 1698 г.: “Арестованный [...] бывший с мятежниками поп получил благословение от патриарха, однако не мог достоверно и правдиво показать, был ли дурной умысел ему, патриарху, известен” (с. 212).²⁴ Однако к информации Гвариента о стрельцком розыске нужно относиться с большой осторожностью.²⁵ Например, не соответствует действительности информация, согласно которой “*Batska Girin*”

²¹ О существовании этого письма и о его содержании мы знаем из дневника П. Гордона (запись от 24 июня 1698 г.) и из письма Гордона Ф. Лефорту от 30 июня 1698 г. В дневниковой записи кратко говорится о содержании послания царю: “я вкратце написал к Его Величеству обо всех обстоятельствах сего похода.” Патрик Гордон, *Дневник, 1696-1698* (Москва: Наука, 2018), 154, 188. (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1696-1698* (Moscow: Nauka, 2018), 154, 188).

²² Место из донесения Гвариента, о котором пишет Е. В. Акельев см.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 509 (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 509).

²³ Они, а также дьячок С. Осипов, были допрошены 17 сентября 1698 г.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 68-69, 74-76. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 68-69, 74-76).

²⁴ Здесь и далее я буду пользоваться переводом донесения Гвариента, сделанного Г. В. Снежинской: Я. А. Гордин, *Петр I* (Санкт-Петербург: ИЦ “Пушкинского фонда,” 2020), 139. (Ja. A. Gordin, *Petr I* (St. Petersburg: ITs “Pushkinskogo fonda,” 2020), 139).

²⁵ В научной литературе, особенно М.М. Богословским, высказывалось мнение, что и сведения секретаря имперского посольства И.-Г. Корба о стрельцком розыске также весьма ненадежны, а то и просто неверны. На это стоит обратить внимание, поскольку сведения Корба и сведения Гвариента в некоторых случаях совпадают. См.: М. М. Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3 (Ленинград: Госполитиздат, 1946), 63-65, 70, 81-82, 87-88. (M. M. Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 3 (Leningrad: Gospolitizdat, 1946), 63-65, 70, 81-82, 87-88).

(Васька Зорин²⁶) на следствии “открыл, что [к мятежу причастны] две старшие горничные обеих царевен *Fiera* <Вера> и *Schukowa* <Жукова>” (имеются в виду Вера Васютинская и Анна Жукова),²⁷ как вряд ли соответствует действительности и утверждение Гвариента, будто В. Васютинская и А. Жукова “показали, как и прочие, что бунт был вызван только великой ненавистью к Лефорту и множеству присутствующих здесь немцев,”²⁸ поскольку, судя по показаниям этих женщин, содержание их разговоров со следователями было далеко от тем, как-то связанных с иноземцами.²⁹ Но если даже допустить, что Гвариент написал в своем донесении

²⁶ Во всяком случае, Н.Г. Устрялов предложил (и историки с этим согласились) считать, что *Batska Girin* и Васька Зорин — одно и то же лицо.: Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 204, примечание 12. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3, 204, p. 12).

²⁷ Гордин, *Петр I*, 138, 139. (Gordin, *Petr I*, 138, 139). Историкам неизвестны показания В. Зорина (или вообще кого-то из стрельцов) с подобными обвинениями, да и в показаниях В. Васютинской и А. Жуковой нет указаний на то, что их расспрашивали по оговору стрельцов. Более того, мы точно знаем, что А. Жукову допросили после того, как царевна Марфа на допросе 23 сентября 1698 г. рассказала, что о приходе стрельцов в Москву и об их желании возвести царевну Софью на престол она узнала “от девки Жуковы.” Показания царевны Марфы, В. Васютинской и А. Жуковой см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 6, Уголовные дела по государственным преступлениям, д. 12/121, л. 1, 2, 4. (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA), f. 6, Ugolovnye dela po gosudarstvennym prestupleniiam, d. 12/121, l. 1, 2, 4); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 58, 61-62, 65, 77-78. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 58, 61-62, 65, 77-78). Интересно, что П. Гордон 24 сентября “в Преображенском видел, как пытали горничную Анну Алекс[андровну],” т.е. Жукову. То, что речь идет именно о ней не подлежит сомнению, поскольку далее Гордон сообщает о пытках подполковника Колпакова, а Жукову и Колпакова, как мы знаем из следственных материалов, пытали именно в такой последовательности, как это описано у Гордона.: Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 166. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 166); РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 2. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 2); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 61-62. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 61-62). Таким образом, если Гордон и был информатором Гвариента, то можно предположить, что то ли Гордон неверно информировал австрийского посла, то ли последний вольно или невольно искажал полученную информацию.

²⁸ Гордин, *Петр I*, 140. (Gordin, *Petr I*, 140). Похожую информацию можно встретить и у И.-Г. Корба: Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*, 91. (Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)*, 91).

²⁹ РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 2. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 2); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 58, 61-62, 65, 77-78. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 58, 61-62, 65, 77-78). Есть в интересующем нас донесении Гвариента и другие сведения, не вызывающие доверия. Остановлюсь лишь на одном, поскольку оно вызывает подозрение, что имперский посол не только пользовался недостоверными слухами о стрелецком розыске, но и сам кое-что присочинил. Он сообщает, что по обвинению некоего юноши был арестован обер-лейтенант *Karpakow* (видимо, Колпаков), который после двух пыток “почти испустил дух,” а потому царем к Колпакову был призван доктор Карбонариус из свиты Гвариента, чтобы вернуть силы умирающему для третьей пытки. Однако Колпаков, воспользовавшись неосмотрительностью доктора, “нанес себе смертельный удар, ножом (оставленным Карбонариусом - Е. Т.) перерезав себе горло.” Рассказ о Колпакове содержится и в дневнике подчиненного Гвариента, И.-Г. Корба. Правда, у Корба имеются некоторые отличия. Например, у него Колпаков не покончил жизнь самоубийством, а лишь пытался сделать это ножом, оставленным не доктором из свиты Гвариента, а царским врачом. Согласно Корбу, Колпаков умер во время пытки.: Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*, 90, 93-94, 186. (Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)*, 90, 93-94, 186); Гордин, *Петр I*, 138-139, 140. (Gordin, *Petr I*, 138-139, 140). Из следственных же материалов мы знаем, что по обвинению А. Жуковой был арестован и допрошен полуполковник Василий Колпаков. Третий раз его допрашивали 7 октября, т.е. тогда, когда

правду, а, значит, по каким-то причинам следователи не сочли нужным внести в протокол допроса слова И. Степанова о патриархе, то все равно нет никаких оснований считать, что Петр придавал большое значение слухам о связях Адриана с бунтовщиками. В противном случае, наверняка, стрельцов бы на следствии также настойчиво расспрашивали о контактах с патриархом, как расспрашивали их о контактах с царевной Софьей.³⁰ И тогда невозможно было бы избежать записей допросов и очных ставок в различных следственных комиссиях. Едва ли что-нибудь могло удержать царя от проведения подобного разбирательства,³¹ если бы, по его мнению, от патриарха исходила такая серьезная опасность, тем более что опыт борьбы с непокорным предстоятелем Церкви (я имею в виду патриарха Никона) в России уже имелся.³²

Гвариент отправил свое донесение. В следственных материалах нет упоминаний о том, что Колпаков пытался покончить жизнь самоубийством. В постановлении розыскной комиссии (октябрь 1701 г.) говорится, что “Василья Колпакова не пытатъ,” тогда как в записках И.А. Желябужского сообщается, что Колпакова освободили после третьей пытки: Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 61-62, 77-78. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 61-62, 77-78); Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 254. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 254); И. А. Желябужский, “Дневные записки,” в *Рождение империи* (Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997), 310. (I. A. Zheliabuzhskii, “Dnevnye zapiski,” in *Rozhdenie imperii* (Moscow: Fond Sergeia Dubova, 1997), 310); РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 2, 3. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 2, 3).

³⁰ Так, идея о письме стрельцам от опальной царевны впервые появилась в “вопросных статьях” 19 сентября 1698 г., видимо, составленных самим Петром. Этот вопрос задавался всем подследственным, которые были допрошены в 10-ти следственных комиссиях, специально созданных для стрелецкого розыска. Тем не менее 19 сентября ни один из подследственных так ничего и не сказал о какой-либо “присылке” или письме от царевны. Поначалу такая же картина наблюдалась и 20 сентября. Причем о письме ничего не говорили даже те стрельцы, которые сознались в намерении повстанцев не пустить царя в Москву или убить его. Однако, видимо, под конец розыска в этот день в комиссии Б. А. Голицына признания о письме царевны были все-таки получены. См.: Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 37-48. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 37-48).

³¹ Так, еще до возвращения царя из-за границы датский резидент П. Хейнс, говоря о связи стрельцов с патриархом, сообщал в Копенгаген, будто в Москве “никто не осмеливается высказать никаких подозрений против его (патриарха – Е. Т.) святой персоны:” Форстен, “Датские дипломаты,” 100. (Forsten, “Datskie diplomaty,” 100). Но даже если это заявление соответствует действительности, оно все-таки относится не к самому Петру.

³² Е. В. Акельев предполагает, что одна из причин учреждения Синода заключалась в том, что Петр не забыл о своих подозрениях о связях Адриана с стрельцами. По мнению историка, слова *Духовного регламента*, рисовавшего картину народных мятежей во имя патриарха, возникавших по наущению неких духовных лиц (“да не воспомянутся подобныя и у нас бывшия замахи”) указывают на “стрелецкий бунт 1698 г., в рамках которого на первый план выдвигалась защита ‘благочестия,’ за что так ратовал патриарх Адриан”: Акельев, *Русский Мисопогон*, 218. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 218); См. также: “Духовный регламент 1720 года,” в Н. А. Воскресенский, *Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники*, т. II-III (Москва: Древлекхранилище, 2020), 352-353. (“Dukhovnyi reglament 1720 goda,” in N. A. Voskresenskii, *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniia, chelobit'ia i inostrannye istochniki*, t. II-III (Moscow: Drevlekhranilishche, 2020), 352-353). Но под “замахами” могли подразумеваться поступки Никона и выступление в его защиту. Правда, еще П. В. Верховский писал, что “картина бунтов и крамолы против государя из-за наличности патриарха,” нарисованная в *Духовном регламенте*, не соответствует временам противостояния Никона и Алексея Михайловича, поскольку “именно в деле Никона народ и духовенство были на стороне царя или, по крайней мере,

Заканчивая разговор о том, подозревал или нет Петр Адриана в связях с повстанцами, необходимо остановиться еще на одном важном моменте. Е. В. Акельев проводит параллели между нападками патриарха Адриана на табакокурение и брадобритие³³ с подобными же нападками, содержавшимися в челобитной стрельцов. Причем, по предположению историка, эти параллели мог проводить в своей голове и сам Петр (см.: с. 206, 209-210). Но, судя по материалам сентябрьского и последующих розысков, это было не так. Например, если о связях с Софьей или о намерении побить бояр и немцев спрашивают большинство подследственных, и подследственные так или иначе на эти вопросы отвечают,³⁴ то о брадобритии, табакокурении и о защите православия говорится лишь в отдельных показаниях стрельцов.³⁵ А это, скорее всего, свидетельствует о том, что следователей (а, значит, и царя) не особенно волновали религиозные мотивы недовольства, скажем, немцами, и не интересовало то, кто эти мотивы, например, из духовных лиц, мог внушить стрельцам.

Итак, на мой взгляд, у нас нет никаких оснований думать, что Петр и его окружение подозревали бунтовщиков в связях с какими-либо церковными традиционалистами. Кроме того, консервативные настроения какой-то части стрельцов, по всей видимости, властей также не особенно заинтересовали. Следовательно, конструкция, на которой воздвигнута версия о том, что стрелецкий бунт подтолкнул Петра I к мысли о изменении облика его подданных, уж очень ненадежна.³⁶

Но означает ли все сказанное выше, что у нас нет оснований пересматривать традиционную точку зрения, согласно которой царь, получив за границей сообщение о бунте, сразу решил, что к возмущению причастна царевна Софья Алексеевна? По мнению Е. В. Акельева, у историков "нет никаких данных, которые

никак активно за него не заступились": П. В. Верховской, *Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России*, т. 1. (Ростов-на-Дону, 1916), 367. (P. V. Verkhovskoi, *Uchrezhdenie Dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament. K voprosu ob otnoshenii tserkvi i gosudarstva v Rossii*, t. 1 (Rostov-na-Donu, 1916), 367). Однако нужно учитывать, что Никон подозревался и даже обвинялся в связях с разинцами, которые с большим почтением относились к нему. Правда, к тому времени Никон был уже бывшим патриархом. Подробнее см.: И. Л. Андреев, "Как казаки патриарха Никона бунтовать подбивали," *Исторический вестник* 156:9 (2014): 6-28. (I. L. Andreev, "Kak kazaki patriarkha Nikona buntovat' podbivali," *Istoricheskii vestnik* 156: 9 (2014): 6-28).

³³ И если о нападках патриарха на табачную торговлю мы знаем лишь из донесения Гвариента и дневника Корба, то о неприязненном отношении Адриана к брадобритию и иноземцам известно в том числе и из текстов, написанных от имени патриарха людьми из его окружения (см. выше). Однако эти выпады относятся к 1690 г. и первой половине 90-х годов XVII века.

³⁴ Материалы сентябрьского и последующих розысков см.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 68-260. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 68-260).

³⁵ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 70-72, 86, 93. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 70-72, 86, 93).

³⁶ При этом и точка зрения, согласно которой к брадобритию и прочим культурным новшествам царя подтолкнуло путешествие по Западной Европе также требует более серьезного обоснования. Во всяком случае, Е.В. Акельев привел убедительные аргументы в пользу того, что источники, на которые обычно ссылаются историки, не свидетельствуют о том, будто именно поездка на Запад стала толчком к брадобритию (Акельев, *Русский Мисопогон*, 206-209). (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 206-209).

бы подтверждали, что Петр рассматривал эту версию до 17 сентября” (с. 215-216), т.е. до того, как стрелец В. А. Зорин не заявил, что бунтовщики собирались “стать под Девичим монастырем и бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она по их челобитью вступила в правительство.”³⁷ Конечно, исследователь прав в том, что слова из письма царя Ф. Ю. Ромодановскому от 16 июля 1698 г.: “семя Ивана Михайловича [Милославского] растет,” - напрямую не указывают на связь стрельцов с царевной (см. примечание 4 на с. 215-216).³⁸ Однако сам же Е. В. Акельев отмечает, что, по мнению Петра, Иван Михайлович Милославский был главным виновником Стрелецкого бунта 1682 г., в результате которого, напомним от себя, к власти как раз и пришла царевна Софья; и поскольку Иван Михайлович к тому времени уже умер, а Софья еще была жива, то вроде бы понятно, на кого падает подозрение.³⁹ Но, если Петр подозревал сестру, то почему в уже упоминавшемся письме Ромодановскому от 16 июля 1698 г. он не приказал взять Софью под арест или хотя бы как-то ограничить ее контакты с внешним миром?⁴⁰ Почему вопросы про царевну Софью не задавались подследственным с самого начала сентябрьского розыска?⁴¹ Короче говоря, мнение о том, что Петр с самого начала подозревал Софью в причастности к бунту, во всяком случае для меня, уже не кажется столь убедительным, каким оно было до прочтения книги Е. В. Акельева.

Итак, подытожим, что же нового мы узнали о диалоге Петра I со своими подданными из книги Е. В. Акельева. Прежде всего мы узнали, что отношение к брадобритию и прочим петровским новшествам в народе не ограничивалось лишь противодействием, а включало различные стратегии поведения, не исключая и

³⁷ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 71).

³⁸ Полностью это письмо см.: *ПуБ*, т. 1, 266. (*PiB*, 1, 266).

³⁹ Впрочем, по мнению Е. В. Акельева, в письме “Ромодановскому Петр вовсе не указывал на связь повстанцев с Софьей, а, возможно, напоминал руководителю Преображенского приказа о деле Цыклера, понимая под ‘семенем Ивана Михайловича’ очередную попытку недовольных своим положением царедворцев использовать стрельцов для свержения законного государя.” На эту мысль историка наводит то обстоятельство, что “царь считал давно почившего И. М. Милославского [...] идейным вдохновителем заговора Цыклера — Соковнина — Пушкина, раскрытого в конце февраля 1697 г.” Акельев, *Русский Мисопогон*, 215-216, примечание 4. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 215-216, п. 4).

⁴⁰ Так, например, из показаний девушек, служивших Софье, и из показаний царевны Марфы мы знаем, что сестры посещали Софью в Новодевичьем монастыре. См.: РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 1, 2, 3-4. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 1, 2, 3-4); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 58, 65. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 58, 65).

⁴¹ К сожалению, мы не знаем, сам ли В. Зорин проговорился 17 сентября 1698 г., заявив следователям о намерении повстанцев просить Софью вступить “в правительство,” или же признания стрельца были вызваны прямым вопросом дознавателей. Такой вопрос мог быть навеян проговорками подследственных, сделанными еще во время следствия под Воскресенским монастырем. Например, стрельцы признавались в том, что они собирались “стать на Девичье поле,” т.е. под Новодевичьим монастырем, где в то время находилась Софья Алексеевна. Однако нам остается только гадать, обратил ли внимание на эти проговорки Петр или нет. Подробнее об этих проговорках см.: Трефилов, “Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени,” 43-44. (Trefilov, “Predstavleniia o tsarskoi vlasti uchastnikov narodnykh buntov petrovskogo vremeni,” 43-44). Также остается только гадать, действительно ли дата начала розыска неслучайна: 17 сентября, в день тезоименитства царевны Софьи, на что указывали историки. См., например: Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 28. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 28).

полного принятия. Внес Е. В. Акельев и вклад в изучение народных представлений о Петре I. Если раньше историки писали о неприязненном отношении к этому монарху или о почитании Петра как традиционного "хорошего" царя, то Е. В. Акельев показал, что даже среди крестьян имелись и такие люди, которые были пламенными почитателями совсем нетрадиционной петровской политики и противопоставляли царя-преобразователя предыдущим государям. Эти выводы были сделаны главным образом на основании дел Преображенского приказа. Причем некоторые из них были уже хорошо известны, но прочитаны автором по-новому, более внимательно. Однако для изучения отношения подданных к петровским новшествам были привлечены и источники, ранее совсем неизвестные. Так, подлинным открытием является опубликованное и прокомментированное Е. В. Акельевым "Покаянное исповедание" знаменитого Г. В. Талицкого, который первым дал развернутое богословское обоснование, почему Петра следует считать антихристом и почему ему следует сопротивляться. Е. В. Акельев опубликовал и некоторые другие источники, связанные с Талицким, и дал наиболее полное описание его процесса (см.: с. 270-314, 512-550).

Еще одним важным достоинством книги Е. В. Акельева является то, что в ней детально и всесторонне проанализирована реакция Петра I на народные настроения, связанные с брадобритием и прочими культурными новшествами. Царь, несомненно, считался с этими настроениями и шел на уступки, впрочем, иногда лишь для того, чтобы при более благоприятных условиях возобновить наступление на бородачей. И здесь историк привлек уже хорошо известные источники (в частности, различные распоряжения Петра), а также ввел в оборот новые документы — речь прежде всего идет об указе от 28 августа 1706 г., повелевавшем не брать пошлину с въезжавших в город крестьян. Анализ реакции царя на народные настроения позволяет понять, что укоренившиеся в публицистике и даже исторической науке обозначения Петра как "неистового реформатора" или "большевика на троне," конечно, появились не на пустом месте, но все-таки являются однобокими. Петр скорее представляется гибким и хитрым политиком, чем политиком, который все ломает через колено.

Не убедили меня аргументы Е. В. Акельева в пользу того, что именно Стрелецкий бунт 1698 г. послужил для Петра толчком к изменению внешнего вида подданных. Однако, на мой взгляд, несомненным достоинством изучения реакции царя на это восстание является то, что историк поколебал убеждение (во всяком случае мое), будто с самого начала Петр верил в причастность к возмущению царевны Софьи.

Ну, и если переходить к более общим выводам, то можно заключить, что книга Е. В. Акельева показывает: даже в петровской России власть была вынуждена считаться с народными настроениями, а подчинение этой власти народа не всегда можно объяснить только насилием.